

**ПОЭТЫ
НАШИХ ДНЕЙ**

АНТОЛОГИЯ

**ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
МОСКВА
1 9 2 4**

Отпечатана в сентябре 1924 г.,
1000 экз.
Тип. (Удост. №36) Ц. Типографа,
Ленинград, пр. Володарского, 58.
Заказ № 395.

Ленинградский Гублит № 11853.

ИВАН АКСЕНОВ

1

Не забудь меня взять в свою
Улыбку далеких губ,
Не забудь потушить зарю,
Облаками укутать грудь.

Жесткие не к тебе пути
И знаю, что сердце мое,
Полное тобой, не донести
Сквозь болью обгорелое жнивье.

Я умру на нем. И для всех.
И тучами буду рад летать,
Чтоб себя уронить в твой смех.
И туманом сон укрывать.

Что нести вам, курлыкая, журавли,
Над отавами, на памятный юг
От сожженной нашей земли?
Унесите любовь мою.

Гуси-гоголи, из чугунных туч
Гордо, о жемчуговых зобах,
Угоните от вьюг поцелуй,
Что прогорк на тугих губах.

А вы, зигзаги ласточек, синий визг,
Извивающие на Занильский лад,
Увезите, пронзивший эту жизнь,
Сизый, капризный взгляд.

Мокрая осень облетит в окно
Золотыми сердцами лип.
И в снега... И на шесте будет только алеть моя,
Улыбкой скулы улык.

1921

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

Весь от города, бывший кожевник,
Юность бросивший в грохот и визг,
Я соскучился по деревне,
По смолистому запаху изб.

На заре, отрываясь от книги,
Под надрывные вопли гудка,
Тосковал по соломенной риге
Сын смоленского мужика.

Подышать бы хлебами, полынью,
Позабыть на время «назад»,
Опрокинуть прозрачность синюю
В эти выцветшие глаза.

Я люблю полевою работу,
Мужиков простодушную брань;
О житье! разговор по субботам
У дымящихся в роще бань.

После улиц шумных и душных,
После долгой и нудной тоски
Разве можно пройти равнодушно
Мимо клевера и реки?

Пусть торопятся крылья времени,
Знаю, в зное июльского дня
Эта сладкая грусть по деревне
Ни за что не оставит меня.

МИХАИЛ АНДРЕЕВ

ПИСЬМО НА СЕВЕР

—«Рвуть опять я к далекому Северу,
Жить на юге мне стало несносно,
Грежу снова коврами из клевера,
Снятся наши тенистые сосны...

Там, где скромный калган с павеликою,
Где душистая кровь—земляника,
Может снова я счастье заклинаю?
Сердце просит:—туда загляни-ка?

Я мечтаю: пройтись бы по лажити,
Через речку к дертям, за брусникой,
Вы, конечно, мне сказку расскажете
Про костлявую смерть и Анику...

Занасемся в пути мухоморами,
(Ведь в деревне лекарство простое)
Вы же вечно все няньчитесь с хворыми,
Мухоморы-ж нужны для настоя...

Все по старому дома? Не пусто ли?
Говорят вы еще интересней?...
... Снова жниц бы я слушал без устали,
Мне так нравятся русские песни...

Всех иль нет вы пленили красавица?
Ведь от свах, поди, нету отбоя?...
... Скоро буду у вас... мне не нравится
Небо юга как сон голубое...

Вспомил как нас ловили «законники»
И грозили «березовой кашей»...
... Сохранились ли на подоконнике
Имена уменьшенные наши?

Кто живет у вас в маленькой комнате,
Где частенько бывали вы сами?
Что там было, надеюсь вы помните?
... Отвечайте и кланяйтесь маме...

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Три года гневалась весна,
Три года грохотали пушки,
И вот России не узнать
Пера и голоса кукушки.

Заводы весен, песен, дней
Отрите каменные слезы:
В России—вора голодней
Земные груди гложет озимь.

Россия—лен, Россия—синь,
Россия брошенный ребенок,
Россию сердце возноси
Руками песен забубенных.

Теперь там зори поднял май,
Теперь там груди черных пашен,
Теперь там голос поднимай
И—мир другой тебе не страшен.

Теперь там мчатся ковыли
И говор голубей развешен,
И ветер пену шевелит
Восторгом взмысленных черешен!

Заводы, слушайте меня—
Готовьте пламенные косы:
В России всходят зелени
И бредят бременем покосы!

И. АФАНАСЬЕВ-СОЛОВЬЕВ.

Немеркнувший покой и я приемлю,
И мне отплыть от берегов земли.
Чужды душе суетные укоры
Чуть теплятся страстей земные голоса,
Дыханьем песен—золотых просторов
Надуты огненные паруса.

Прощайте! Влажною рукой
Перебирает волоса разлука.
Друзья! Зачем-же раскаленной мукой
Прощания клеймите миг?

В последний раз, как рук запястье,
Снимаю с шеи ласковое «ты»,
Нам горьких строчек не сплести,
И рвется в пристань дней—последнее прости.

1924

АННА АХМАТОВА

Хорошо здесь: и шелест, и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Июльский день сверкает строго.
Несовлаженная земля.
Неперерывная дорога.
Неперерывные поля.
А пыльный, полудневный пламень
Немою глыбой голубой
Упал на грудь, как мутный камень,
Непререкаемой судьбой.

Недаром иструились доли,
И облака сложились в высь.
И каплей теплой и тяжелой
Заговорив оборвались.
С неизъяснимостью бездонной
Молочный, ломкий, молодой
Дробим волною темнолонной,
Играет месяц над водой.
Недостигаемого бега
Недостигаемой волны
Неописуемая нега
Неизъяснимой глубины.

1920

НИКОЛАЙ БЕРЕНДГОФ

ПОЛЕТ

Затаили белое дыханье
Океаны, суша и утесы.
И, пахнув машинными духами,
Моноплан шушукая пронесся.
И залитые испугом—гипсом
Не качнулись горы и низины.
Целый мир летя вливает стих сам,
Как мотор эмульсию бензина.
В тихозвонном дыме и сверканьи
Обрывается планетный танец.
Правит прямо зрячими руками
Чернокожаный людей посланец.

1923

СЕРГЕЙ БОБРОВ

НЕКРАСОВ

Он не спал, не ел — и писал,
Руки на сердце, залиvistый гений,
Голос залитых полей,
Одинок заплаканных жатв.
Но далеко беречь — голос,
Весь в тоске, заунывно хорош,
Выбивающийся, как прядь в румянец,
Из под бедной ночи его.

И хитренький палец — «Чего-с?» —
Ничего-с, мы тоже не лаптем
Жизнь хлебам, а черный кус
Жемчужной слезой засдаем.
А горячих сердцем таких,
Мы видали их — много ль!
Закипающих слез любви,
Да души затихающих болот.

Спи, чудака, куплетчик, забавник,
Обжигающий сердцем все,
Что живет, безобразничает, плачет —
Оттого то и оттого.

1920

КОНСТАНТИН БОЛЬШАКОВ

ПОЭТАМ

Молодые люди, изучившие теорию композиций,
Знающие стихосложение, как дважды два,
Неужели не надоест с такой «мурой» возиться?
От этих писаний не болит голова?

Болят,—

Какая же радость в бухгалтерских радостях, —
В книгах миллиарды пригладид и то с пера,
И так в тетрадах
Убийства и бури падают в стих.

А сам, кроме колки дров,

В руках не держал топора.

Даже захребетным не дразнится,

Так зачем же и нужно кому

Бессловесным словом бесполою разницу

Безобидно воткнуть.

Тем более, ни одним уголовным кодексом

Ни даже общеотвратительным «неприлично»

Не запрещается тискать и рвать, как мясо на кухне

На котлеты—слова.

Склеивать их пресной слюною рифмы,

Называя это с растлением схожее деянье

Занятием поэзией.

А меж тем разве сами не миф мы,

Разве пеней стенанье заглохло Орфеево,

И стакан о стакан разбиваются рифмы.

Однако с одинаковым темпераментом

(И упорство отчаянья в глазах не тухнет)

Не оставляют с растлением схожего деянья.
Сидят.
Сидите, — пером ли наладите
Из слов бессловесных медовый сон,
Чтоб на караты стали вешать стихов тетради,
Как за караты был взвешен Вийон.

1923

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

АРИАДНЕ

Ариадна! Ариадна!

„Последние мечты“

Слышу: плачут волны Эльбы
О былом, о изжитом;
Лодки правят,—не на месь бы!—
Пароходы бьют винтом;

Слышу, вижу: город давний,
Башни, храмы, скрип ворот,
Гете помнящие ставни,
Улиц узкий поворот;

Вижу: бюргеры, их жены,
Стопы пива по столам,—
Ужас жизни затверженной,—
Дьявол с Гретхен пополам;

Там, где Эльбы полногрудой
Два сосца впились в мосты,
Там, задавленная грудой
Всех веков немецких,—ты!

Ты, с кем, два цветка, мы висли
Миг—над пропастью двойной,
Ты, с кем ник я там, на Висле,
К лику лик с Земной Войной.

1923

ВАРВАРА БУТЯГИНА

За путь, за даль, что так светла,
Я отдала уют и кровлю.
И звонко плещут у седла
Меха со свежеею любовью.

Мой полдень—смуглый и простой,
А полночь—острые порывы.
И месяц—львенок золотой—
На землю страхивает гриву.

О, путник в ветровой чалме,
Кто ты,—я спрашивать не буду.
И развяжу прохладный мех,
Чтоб напоить твоих верблюдов.

О, можно-ль слаще зазвенеть
И выпить больше благовоний?
Но, уходя, ты бросишь медь
В неуголенные ладони.

И раскаленной тишиной
Пески раздавят колокольцы.
И ветер не отроет мной
В песок затоптанные кольца.

1923

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

Из женовидных слов змеей струятся строки,
Как ведьм распахнутых кричащий хоровод.
Но ты храни державное спокойство
Зарею венчанный и миртами в ночи.
И медленно под тембр гитары темный
Ты подбирай слова и приручай, и пой,
Но не лишай ни глаз, ни рук, ни ног зловещих.
Чтоб каждое несло, но за руки держась.
И я вошел в слова и вот кручусь я с ними.
Танцую в такт над дикой крутизной,
Внизу дома окружены зарею
И милая жена, как темное стекло.

ГАЛИНА ВЛАДЫЧИНА

Мгновенья как руки воздеты.
Зрачки беспощадны и злы.
О, нежная поступь рассвета
Сквозь заросли сердца и мглы.

Недуг или просто смятенье.
Волна или роняющий шквал.
Месяц прозрачною тенью
На облачном ложе сгорал.

Тревога все ближе. И строже
Мне в душу глядится без сна,
И небо в порывистой дрожи
Трепещет в ущельи окна.

1923

НИКОЛАЙ ВЛАСОВ—ОКСКИЙ

Потянулись паутинки.
Червленеет лист.
Чьи то грубые ботинки
По лугам прошлись.
В высоте громадный невод
Тянут днем ветра:
Вот-вот неводою чрево
Словит осетра!
И когда осетр лучистый
В невод попадет,—
На поляны мелкий, льдистый
Ливень упадет.
Плачут пенельные дали
День и ночь без слов,
Потому что ветры взяли
Золотой улов.

1923

НАДЕЖДА ВОЛЬПИН

Не звон, а кровь от белых вый
Закланых далям колоколен
Стекла в закат. Седой ковыль
Почному ветру непокорен.

По косограм, по степям
Растет его густая сила,
И ветер, голос иступя,
Еще взывает—утло, сиро...

Уж не с туги ли ветровой
Тебе со мной в кургане скушно?
Ты внемлешь зуд в кости глухой,
Как боевой трубе, послушно.

То не тревожат наш полон
Корней подземные шуршанья,—
Твой конь прядет за ковылем
Давно истлевшими ушамп,

То ниву наша кровь чумит,
То наша плоть встает бурьяном,
И села жмутся за плечьмп
Неумиренного кургана.

1921

МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ

Любовь—весенний светлый ливень,
Прозрачные небеса,
Дрожанье радуги счастливой,
От счастья влажные глаза.

Биенье милых, жарких жилок
В них цветенье и лучи.
Сердце с ласковою силой
Певуче бьется и стучит.

Не повясть и не измерить
Струенья солнца и любви.
Кто может океан умерить?
И бег планет остановить?

Страшно с этой тайной слиться,
Пасть в спящий туман.
Как может в эту грудь вместиться
Любви прибойный океан.

Какая музыка волненья
Душистым ливнем льется в грудь.
И как бы нам сосуд цветенья
Не расплеснуть, не расплеснуть.

Жить с тобой, моя любимая—
Сиянье радуг вечно пить.
А счастье тайное, незримое
Не может крылья опалить.

АЛЕКСАНДР ГЕРБСТМАН

К закату клонится слепительный подсолнух,
Смолою ветерок взволнованный пропах.
Крутые островки легли на свежих волнах
Тяжелым скопищем ленивых черепах.

О, неба и земли таинственные узы!
Спадает медленно веселая звезда,
И в хлюпкой глубине безумный лик Медузы
Вдруг открывает мне прохладная волна.

Прозрачные глаза—и я стою над нею!
Кудрявы щупальцы—и не взглянуть не в мочь.
Души не чувствую, рассудком каменею
И черепахою вползаю в море, в ночь.

Я так люблю уста, бровей тугой апостроф—
Кометы нежные, что гнутся запятой,—
Но я немотствую, к ночи прижатый остров,
Закованный в гранит, блестящий и проетой.

1923

ВЛАДИМИР ГИЛЯРОВСКИЙ

АСТАФЬЕВО

Дворца старинного облупленные стены
И крылья ветхие широкого крыльца—
А даль полей живых не знает перемены,
Из века в век все зелень без конца.

Вот залы: кистени, отравленные стрелы,
Кольчуги, панцыри, шеломы, бердыши—
Орудия времен, когда еще пределы
Не разграничены у тела и души.

Фарфор и бархат—отблеск жизни шумной,
Каррарский мрамор... фрески... капитель.
И в золоте блеск роскоши безумной
И перл творения—великий Рафаэль.

В шкафах резных горами фолианты,
Веками спят в покое полутьмы:
И разрушители—разящие таланты
И созидатели—покойные умы.

От первых мчатся огнедышащие стрелы,
Вторые—мир творят безвестные в тиши,
Пытаясь ставить грань между животным телом
И творчеством божественной души.

1923

АНРИ ГИЛЬБО

ТАМАРА

Клочьями просветы неба,
Осколками проблески солнца,
Сразу тиканье дрожащее, раскалывающее
Смисс, лифт, ролик, блок,
Полные поцелуи, наслоенные ласки,
Мощные пахучие наплывы дегтя,
И вдруг мохнатая голова высокой горы.
Вольт на коротке, трепет металла,
Эллипсы, параболы, гелисоиды,
Перепутанные крыши, фосфоресцентные города.
И материя, вся материя голая и губчатая,
Упоения огня, умноженные и ревностные.
Любовь ли это, конец ли это? — Победа или поражение?
Водопады ли пламенной страсти,
Или пустыня, унылая, огромная, без горизонта?
Сталкиванье молекул, спазмы атомов,
Кусты волнений, страх непроходимый,
Плавающие иероглифы, нестрые и прыгающие разводы,
Небо, земля, солнце — тьма и сиянье,
Паденье плоское, подъем отвесный?

1920

Перевод И. Аксенова.

ИВАН ГРУЗИНОВ

1

На асфальте вспомнил соты и гвоздики,
Причитала ржавая пила,
Сохи охали, сиял и пел топор.
Ты была совсем золотоглазой,
Запах кожи. Запах лисьих нор.
Радугами на ресницы брызнув,
Пригоршнями пили ключевую.
Не забуду тонких пальцев синеву,
Родинку на узенькой груди.
Знойной сетью колыхались листья.
В чашах краснобурые костры
Языками липли к бересте.
А когда в любви и верности клялись,
От волос твоих ложилась на траву,
На колени розовая тень.

Весенней пахнет сосной.
 Пост ли уключина стальная,
 Стрекозы ль надводные реют?
 И птичьих призрачнее снов
 Лесная сень, речная зыбь.
 Глаза согбенных рыбарей
 Светлее утреннего льна,
 Бледней небесной бирюзы.

Вздрагивают мускулы.
 Мускулы крепче веревок натягивай.
 К берегу тяжкую корму.
 Впуталась тина, коренья, утятник.
 Волосаты груди.
 Мерно дышат.
 Сеть шелестит закорузлая.
 Клейкий крушинник щекочет кадык.

Текут чешуей сапфиры, ртуть.
 Рыбарь не мерит на караты.
 Слишком грубы ладони,
 Мозоли натерло весло.
 А жабры красные раз'яты.
 Песок во рту.
 И дымной поволокой
 Зрачков золотой огонь.

ГЕОРГИЙ ДЕШКИН

Я клоун в жалком балагане,
Кривляюсь, прыгаю за грош.
Вся жизнь моя прошла в тумане,
Вся жизнь моя—обман и ложь.

В наряде ярко-полосатом,
С мукой обсыпанным лицом,
Я зазываю, как глашатай,
Зевак перед моим крыльцом.

И для дешевых развлечений
Они приходят в балаган,
Где продан непродажный гений
За позолоченный обман.

1923

СПИРИДОН ДРОЖЖИН.

Ой, как тесен
Мир без песен
Огневых!

Льются звуки,
Скорбь и муки
Слышны в них.

Слез не надо!
Мне отрада—
Каждый стих.

Ой, как тесен
Мир без песен
Огневых!

1923

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Небо-ли такое белое,
Или солью выцвела вода?
Ты поешь и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно—Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

1917

НИКОЛАЙ ЗАХАРОВ-МЭНСКИЙ

Памяти А. Н. Островского

ПЕЧКИНСКАЯ КОФЕЙНЯ

Орган, пузатых стульев длинный ряд—
«Железного трактира» вид обычный.
Алмазов тешится беседою привычной
И с Тертием-Пров погудорить рад.

«России Петр нагородил преград —
Все разнесем!» раздался голос зычный,
И Александр Николаич самолично
Готов Россию перегнуть назад.

Григорьев на вечер их тянет к Эдельсону,
И, мерному гитары вторя звону,
К венгерке нижет новое звено.

Глядит Охотный ряд и дразнится в окно,
А тесть Мочалова почтительно подносит
На «райской птице» ценное вино.

1923

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Голуби вы глубинные,
Голуби голубиные
Голубого дня!
Глохнут в вас, глубинные
Ревы льва пустынные,
Тонут гривы львиные
Медного огня.

К небу сердце клонится,
По небу сторонится
Беглою дугой
От светила гневного,
Марева полдневного,
Робкое хоронится
На меже другой,—

Где об-он-пол мертвенно
Мреют звезды в сумраке,
А далече лев
На глубоком сумраке
Мнится—агнидем жертвенным
Реет побелев.

1921

РЮРИК ИВНЕВ

НА ОКЕ

Знакомо все: когда-то мозг пылал,
Он был и пеплом (этот мозг) когда-то,
И шелестела серая зола
И тлело потухающее золото.

Песок и кровь. Татары шли ордой.
И были правы эти и другие.
Парили птицы так-же над водой,
Блестели также стремяна тугие.

Варили пищу. Пели на заре.
Костры дымили. Лошади потели,
И кости птиц домашних и зверей
На человеческих зубах хрустели.

И тот-же дым, и тот-же ветерок,
И те же пиршества (и музыка, и небо).
Людские песни. Топот быстрых ног,
И запах (горького немного) хлеба.

И в этот час (вечерний) познаю
Простую мудрость солнца и телеги,
И с равной нежностью пою
И поражения и набеги.

Здесь кровь татар и русских пролилась,
Душа моя не будет разрываться.
История, как всадник, пронеслась,
За ней другие всадники промчатся.

Одно и то же небо над ордой
И над полями русскими светлеет;
Все те же птицы реют над водой
И над Окою тот же ветер веет.

1923

ВЕРА ИНБЕР
ГИБЕЛЬ ЕВРОПЫ

И. Эренбургу

Когда погибнет—весть об этом
Распространят во все концы
Американские поэты
И австралийские певцы.

Напишут не одну балладу
О том, что древняя земля
Напоминала им наяду,
Жену морского короля.

Она плыла, раскинув руки,
По синеве прохладных вод
И даже опытные Куки
Не знали всех ее красот.

И как она была красива,
Когда нахмуривала вновь
Дугообразного залива
Высокоподнятую бровь.

Но как ни хмурься, был сильнее
Морской король, ее супруг,
Он стиснул розовую шею
И голубые кисти рук.

К ней протянулся через дали
Его железных пальцев спрут,
Его Америкой звали,
Его Америкой зовут.

И после этого союза,
Отдав свой аромат и сок,
Она, как мертвая медуза,
Упала на сырой песок...

И ни один, слагая стопы,
Не возопит, кляня удел,
О том, что с гибелью Европы
Навеки мир осиротел.

1924

ВАСИЛИЙ КАЗИН

Всплеск удивления, трепет вдохновения
Разсудком вылудил железной хватки вск,
Людей по цехам этот век рассек,—
И вместо задушевного волненья
Профессией повеял человек.
Придет пора и может быть остудит
Последки вдохновения у нас,
Житейской сметкою его, как бред, осудит,—
И каждый каждого встречать охотней будет
По знакам вывесок, чем по сиянью глаз.
Жизнь и теперь у вывесок в затмении:
Коснется Мозер иль Буре зрачков—
И, позабыв о грезах, о влюбленьи,
У часового мастера в сердцебиеньи
Мы склонны слышать только бой часов.
И не опомнимся, не взропщем и не взыщем:
О, неужель для винтиков, гвоздков,
Которых и глазами то не сыщем,
Мы рождены—вот с этим даром слов,
С лицом, сияющим сознательным величьем,
И с пышным именем властителей миров.
И кривды вывесок, знать в именах не чаем:
Гордимся духа творческим лучем
Средь косных звезд—и нет, не замечаем,
Как унижением свой мудрый род сечем,
Что человека кличем Ильичем,
А чуть звезда—Сатурном величаем.
И, может быть, на косность звездных вех
И мы вступили: трепет вдохновенья

**Разсудком выудил железной хватки век,
Людей по цехам этот век рассек,
И вместо задушевного волненья
Профессией повеял человек.**

1924

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Золотые кольца вьются в локонах.
Вернется он домой не ранее,
Как через 10 лет.
Приложит все свои старания
Жокеем встать на жизненном седле.
Он вернется солнцем законченный,
Женщин будет всех сводить с ума
Великолепием и опытом ученым,
С английской трубкою в смеющихся зубах.
И—главное—напишет две—три книги,
Где герои будут водолазы,
Коралловые острова и бриги,—
Морские просоленные рассказы.
Он жизнь возмет лихим и мудрым взором
И юношей останется на век,
Чтобы сиять заманчивым узором
На будничной безрадостной канве.
Золотые кольца вьются в локонах.
Харт бриантай.
Эска-дэй.
Юность юнами расцокана.
Океанствуи.
Завардэй.

1922

ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ

Древней клятвой, древним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

Розы, розы, избранницы росные,
Зоревого света цветов
Пусть проходят глухие и косные,
Мимо песенно алых шатров.

Вот и я ни одежды, ни золота,
От моих изступленных строк,
Только сердце в крови, но молодо,
И лицо всегда на восток.

Говорят, не нужны, не полезны мы,
Розы тошны, бессельны мечты,
Все цветы заменить железными
И совсем запретить мечты.

Розы, розы, любимые древние,
Да минует нас чаша сия,
Будут песни еще напевнее,
Будут розы бессмертно сиять.

И не даром в блаженстве и горести,
Когда мало и слез, и слов,
Расцветают звездные повести
И поют лепестки цветов.

Давней клятвой, древним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

1923

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Портретом ли сказать любовь,
Мой кровный, неисповедимый!
Уж зарумянилась морковь,
В рассоле нежатся налимы.

С бараньих почек сладкий жир,
Как суслик, прыскает свечью,
И вдовий коротает пир
Комар за рамою двойною.

Салазкам снится, что зима
Спрядает заячью порошу...
Глядь, под окно свалила тьма
Лохмотьев траурную ношу.

Там шепелявит коленкор
Подслеповатому газету:
«Какой великолепный сор
Поэт рассыпал по портрету.

Как восковина строк горька,
Горбаты буквы—побирушки!»..
О, только-б милая рука
Легла на смертные подушки!

О, только-б обручить любовь
Созвучьям—опьяненным пчелам,
Когда кровавится морковь
И кадки плачутся рассолом.

1922

ВЯЧЕСЛАВ КОВАЛЕВСКИЙ

На куст терновника прилет
Весны небесный отпечаток.
И каждый розовый цветок—
Как руки милой без перчаток.
Гнездо покинув, наугад
Звезда спадает на луга,
Усопшей бабочкою тая—
Зеленая и золотая.
Где соловей, на муравейник
Косясь, оплакивает стольких.
Душистей старого рейнвейна
Ночей и лун его настойка.
Я пью до дна, глушу качаясь,
Вплоть до утра, до серых чаек,
Пока закоченеет рот
И гонят стадо от ворот.
В суставах мление и хруст
И в челюстях поет зевота,
Но каждый безымянный куст
Обведен солнца позолотой.
И ветер ищет на воде
Те губы, что купает день.

1923

А. КРАЙСКИЙ

Я забыл, я ничего не помню,
Я прошедшее, как лампу потушил,
Стало тише и уютней, и укромней
В комнате моей души.

Опустились радостно ресницы,
Занавески утомленных глаз...
Голубой рассвет в окно стучится,
Голубой рассвет увижу в первый раз.

Распахну окно, раскрою настежь двери,
Чтобы солнца золотая нить
Комнату мою могла измерить,
Темные углы озолотить.

Выйду в мир, огромный и прекрасный
И поверю в первый раз,
Что открылись не напрасно
Занавески утомленных глаз.

АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ

ПОХИБЕЛЬ ХИЛЯКА

(Рефлекс слова: хияляк = хляк = хляча, голубой = холубой и т. д.).

Холеной лысиной
Холубые пуговицы
Мяхкеса пижаль,—
Хляк влюбился в хохотку Фитюш!
Сто тысяч золотом
И шкатулку каратов
О—б—е—щ—а—е—т
Если пришелестнет!
—Нет!..—в мюзик—холле шепотунья змея
Злой отказ:—Не приду-у-у!..—
Хряк! туфлей ответа
Придушена хляча!
В зеркале треснула трость,
Ноги—врозь!
Хляч удержи мозг!
Прут... паук... мороз...
Каемкой ежится кровь...
В поясницу пятится зонт.
Через копчик на зуб.
Дзынь, зудеж!
Стынь, студеж...
Память кокаин грызет,
Плетью хляк на лед!
Бал затевает прощальный пурга,
А мюзик—холл подымает стакан, —

Звонный чок,
Сквозь оркестр
Костей треск!
Тут беленится лицо,
Хрип—болесницею зоб
Вы-ы-пер-р-р!
И—ах!—
И—ох!

Финтифирюлька в кружевах—
Смерть—
Леденец над ним сосет!
А злодейка Титюш
У артельщика бирж
Червонцы сманув,
По рыхлому облаку
В Америку
Засвет—и—и—ла
лыжей!
В Нью—Йорк—юрк!
—тю—тю—ю—ю!...

1924

НАТАЛЬЯ КУГУШЕВА

Я о тебе пишу. И знаю, эти строки
Здесь без меня останутся и будут
Печальной книгой в черном переплете,
Печальной книгой о земной любви.

И ты припомнишь медную кольчугу
Сентябрьских дней, и медный звон ветвей,
И пахнущую яблоками свежесть
Простых и величавых утр.

И жизнь мою суровую ты вспомнишь,
Глаза мои и губы, и любовь—
И грешную мою помянешь душу,
И все простишь, полюбишь и поймешь.

Я не умру. Глазами этой книги
Я видеть буду милый, страшный мир;
Я буду слышать, как звенят трамваи,
Как город голосом густым гудит.

И спутницей внимательной и нежной
Я жизнь твою с начала до конца
Пройду, и передам неведомым потомкам
Великолепный дар—любовь мою к тебе.

Пройдут года по шпалам черных точек,
Железные года—страницы пробегут,—
Но милой лирики прозрачнее пролады,—
Как старого вина все драгоценней вкус.

1923

МАРИЯ КУДАШЕВА

Из Москвы и Новочеркаска
От тебя я ушла сюда.
Но меня ты настигла властно,
О, неистовая звезда.

Не на стяге, не на плакате
Загорелся мне алый знак.
Не на шлемах ваших, солдаты,
А на сердце твоём, мой враг.

И я знаю,—борьба напрасна.
И склонившись тебе на грудь,
Я целую цветок красный,
За который и я умру.

1922

МИХАИЛ КУЗМИН

1

Один другому говорит:
„У вас сегодня странный вид:
Горит щека, губа дрожит,
И солнце по лицу бежит.
Я словно вижу в первый раз
Таким давно знакомым вас
И если вспомнить до конца,
Я из-под вашего лица
Увижу...“ вдруг и сам дрожит
И солнце по лицу бежит,
Льет золото на розу губ...
Где мой шатер? Мамврийский дуб?
Я третьего не рассмотрел,
Чтоб возгордиться не посмел...
Коль гостя третьего найдешь,
Так с Авраамом будешь схож.

Крашены двери голубой краской,
Смазаны двери хорошо маслом,
Ночью дверей не слышно,
Ночью дверей не видно,—
Полной луны сила!

Золото в потолке зодиаком
Поминальные по полу фиалки,
Двустороннее зеркало круглеет...
Ты и я, ты и я—вместе,—

Полной луны сила!
Моя сила на тебе играет,
Твоя сила во мне ликует;
Высота медвяно каплет долу,
Проростают розовые стебли
Полной луны сила!

1923

БОРИС ЛАПИН

Часов тоскливая тлжба
Срезает мне от скуки длани;
Возница дремлет в тень горба,
Впрягает нищенские сани;
Летит дуга, бренчит замок,
Подковка вбита на порог.

Над балкой, в золоте божниц,
Взирают мрачно боги в клетке;
Как вопли прирученных птиц,
Огни пронзительны и редки;
В углу, где спит кривой киот,
Обглоданный мурлычет кот.

Но развлеченный сон бежит
Мои задумчивые вежды,
Печать спокойствия лежит—
Самодовольный глаз невежды.
Прочь, прочь отсель! Свободен путь.
Правь ближе к смерти как-нибудь!

Едва Зимцерла осветит
Амбар побегов бескопытный,
Железный полоз завизжит
И вспять отпрянет любопытный;
Повязка стлеет, как сквозь сон;
Смутится мой автомедон.

1923

НИКОЛАЙ ЛИВКИН

Вижу: на пыльной дороге путник томится усталый.
Юноша, зов мой услышь, следуй за мною в сады.
Грубые ремни сандалий ты расстегнешь у портала.
Жажду пустынь утолит чаша холодной воды.

Рыжую львиную шкуру, скрывшую медные плечи,
Ты у порога оставь—к чаше губами прильни.
Арфы поют на веранде. Феб посылает нам вечер.
За кипарисы аллея прячутся робкие дни.

Бьют голубые фонтаны, воды волнует бассейн.
К портикам виллы прильнул рдяным плащом виноград.
Спой нам легенды германцев, сказки прозрачного Рейна!
Сладостны песни твои в сумраке белых аркад.—

1923

КОНСТАНТИН ЛИПСКЕРОВ

Мы скользили над синими волнами
В дремной сени прибрежных глыб.
Мы носили корзинами полными
По селеньям серебряных рыб.

Дети малые пальцами карими
Рыб засушенных ласкали узор
И у встреченных жен на динарии
Мы сменяли добычу озер.

И годами идя обычайными
Мы не знали, что всходит гроза,
Но от нас, мрея робкими тайнами,
Что-то встречных просили глаза.

И в тиши с золотого побережия
Мы слышали дивную речь.
Словно вихри провеяли свежие
По загару натруженных плеч.

«Сети выбросьте на берег, рыбари,
Бросьте рыбами полный намет!»
Кто промедлит мгновение в выборе,
Если слово его позовет.

1924

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Я не знаю, с каких пор
Эта песенка началась—
Не по ней-ли шуршит вор,
Комариный звенит князь?

Я хотел бы ни о чем
Еще раз поговорить,
Прощуршать спичкой, плечом
Растолкать ноги, разбудить;

Приподнять, как душный стог,
Воздух, что шапкой томит;
Перетряхнуть мешок,
В котором тмин зашит.

Чтобы розовой крови связь
Этих сухоньких трав звон
Уворованная нашлась,
Через век, сеновал, сон...

1922

СУСАННА МАР

От зорь зазорных звон в глазах,
Так есть, так правда, так мне снится,
Как будто я сто лет назад
Иду по яростной Мясницкой.

Географических-ли карт
Не распознаю во вселенной.
Погиб, как мальчик, Бонапарт
На тесном острове Елены.

И революции перо
Под'ято вкрадчивым Карлейлем,
Под градусом иных широт
Иные замыслы лелеем.

Темны Латинские леса
И гулок бег ночи крылатой,
Но все мне видится Версаль
В мятежном зареве заката.

От зорь зазорных звон в глазах —
Но вот совсем теперь не спится,
Теперь, а не сто лет назад,
Иду по яростной Мясницкой.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

Что за семья без самовара,
Без бабушки и жизни—корабля:
Под парусом качающейся колыбели.
У нас презренный дар
(Презренные ремесла есть)
Вот почему:
У стихотворца ядовиты губы—
Мы в люльке нянчим честолюбье,
У нас в дому—
Сияет тульской медью спесь.

Когда-нибудь пошлю все это к чорту.
Блестя крахмалом, лаком,
И в глазу стеклом,
Я буду говорить о том—
Что вдохновенье ищут не в стихах,
А у цыган от Яра,
Что Пушкина отдал бы за рейнвейн,
А Гейне—
За хорошую сигару.

Все чепуха—
И счастья золотые горы
И ненависти черный день.

1923

МАЛЬВИНА МАРЬЯНОВА

Ивану Рукавишникову

Тропинка. Лесенка витая—
Маячит терем колдуна.
И вьется, вьется золотая
Тропинка. Лесенка витая.
Послушно песенки сплетая,
В ночи роняю сны. Без сна.
Тропинка. Лесенка витая.
Маячит терем колдуна.

1923

ТАРАС МАЧТЕТ

За антикварной лавочкой у городской стены
В колокольную заводь и твой минарет,
По травке мостовой, на солнышке,
В новые формы сокровенный комуфлет.
За шириной мосей, со всеми онерами,
В кошки и мышки, с судьбой на пари,
Накануне, по жаровне заглохшей,
В числе аллегорий растопленный анис.
Но и здесь у меня, за присловьями,
На божнице литой, коломянковый чарус
Каким-то чудом, в мещанских альковах
Приличествующий случаю вкус:
За левадой густой медянки и грошики,
На цвинтарь голубую рассыпанный клад,
По южному берегу в обычном порядке,
За калиткой садовой с мансарды аллея.
Мне ли теперь, как с блюдечка,
В детской у нас, от кошачьего глаза
На листочки глициний по раковым шейкам,
В желтые ломтики испещренный пармезан.
Тетя Паша, и дядя Сережа, для чего Вам
Под сердечный залог музыкальный трамплин,
Если где-то опять, на весеннем клише
В настоящее проникновенный сдвиг?

1921

А. МАШИРОВ-САМОБЫТНИК

ПЕРЕД БУРЕЙ

Ты помнишь—домик за заставою
Среди безмолвных пустырей,
Где не за праздною забавою
Собрался наш кружок друзей.

Горели взоры ярким пламенем
И как набат звучала речь,
И мы клялись под старым знаменем
Заветы вольности сберечь.

Как гребни волн, заколыхались
Рабочих грозные полки,
А в окна бешенно врывались
Заводов вещие гудки.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

УЖЕ

Уже голодище берет в костяные путы,
Уже и на сытых наступают посты.
Уже под вывесками выхвациваются хвосты.
Уже на ночь перешептываются выжиги:
«Слыхали... засада у Рабиновича...
Отобрали шведки и рыжики...»
Уже воскресли бывшие бруши,
Показывают буржуйный норов.
Уже разговаривают языком пушек
Носке и Людендорф.
Уже заборы стали ломаться.
Рвет бумажки ветра дых.
Сжимая кулак у коммунистических прокламаций
Толпы голодных и худых.
Уже валюта стала Луна-парком,
Не догонишь и четырежды скор—
Так летит германская марка
С долларных американских гор.
Уже чехардят Штреземаны и Куны
И сытый и тот, кто голодом голодан.
Знают—это пришли кануны
Нашего семнадцатого года.

1924

НИКОЛАЙ МИНАЕВ

Когда простую жизнь я скукой рассеку
И мне надоедят стихи, дела и лица,—
Я брошу всех и все, поеду в Мексику,
Чтоб телом и душой кой-как расшевелиться.
Из Калифорнии, минуя Гуаймас,
У Рио-дель Норте восточней Аризоны
Я в прерию вступаю, где рыщут и сейчас
Искатели следов, индейцы и бизоны.
Я буду обсыхать и греться у костра,
Спать где-нибудь в кустах, закутавшись брезентом,
И подкупив бродяг десятка полтора,
Провозглашу себя тexasским президентом.
И даже, может-быть, кого-нибудь убью,
Илькпервой встречной вдруг воспламеневнемеру
Я потащусь за ней через Колумбию
Куда-нибудь на юг, в Бразилию иль в Перу.

1923

МАРЛЭ

Ствол вылажен из сладкой ваты,
Неровен сердцевины круг,
И шоколадные мышата
Грызут белесую кору.

Мой боже, этот вкусный рынок,
Очаровательный салон,
Игрушечная балерина
Мигнула строчкой панталон.

А дэнди с пышной папиросой,
С лицом—исписанный блок-нот,
Он карамель подносит к носу.
Жует и фыркает в окно.

Ах, чудеса из мармелада,
Засахаренный пес Полкан,
И кисть гнилого винограда
Слезает важно с потолка.

Продрогшая севрюга пъявкой
Цедит взволнованный Икем,
И выдавлен в поспешной давке
Французской вафли пухлый крем.

Ах, голова, ликер и балерина,
Сосу губу, как вкусный кэкс,
И дразнит серая витрина—
Фруктовая торговля Ованес...

ВАРВАРА МОНИНА

Над звонким телом рояля,
Где залег элегий ночлег,
Все небо раз'ято лаем
Луны—бессоницы—пса.
Настежь видно: сад
В березовых бродит слезах,
Сад в ручьях, в неге,
Он кидается колесам в глаза!
Настежь видно: о бреднях,
О нежностях, о руках неких,—
В глаза кидается—сам.
И вдруг, прекратив бессмертный
Покой, вдруг, на ходу,
Протягиваешь руку первой
Нежности и—
Мой друг—
Михаил Юрьевич Лермонтов,
Сквозь сон проходя,
Нервничая,
Раскуривает Машука чубук.

1923

ИДА НАППЕЛЬБАУМ

Простимся, друг. Я счастлива была,
Недолго, правда, но зато, как птица,
Что вот растет, кричит, готова взвиться,
Рванулась в небо, плавно поплыла.

Так вот и я. Катались дни шарами,
Кленовой кровью пахнувшие дни,
И плавали над нашими сердцами,
Вились кругами дикие огни.

Но ты устал от тех же самых рук,
От тех же губ, и вот, горя от боли,
Я ухожу сама, с улыбкой, поневоле.
Смотри, зима. Простимся, милый друг.

ФРЕДЕРИКА НАППЕЛЬБАУМ

А этот дом, как нерушимый ствол,
Что для него нестройный хор наречий?
Под ним простерт серебротравый дол,
Над ним горят нетлеющие свечи.
Но веткою, раскрывшейся в ночи,
В последний раз переводя дыханье,
Ты оторвешься—в черные лучи,
В горячий взлет, в ненужное сиянье.
Надежный ствол среди других ветвей
Тебя заполнит горестно и верно,
И тень твоя, тебя самой ясней,
Средь них качаться будет мерно.

1924

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

Ощупай радостно свои мужские мышцы,
Возьми ружье, пращу, удилице и стэк,—
Ведь больше не на что, как на сухие мышцы,
Надеяться тебе, румяный человек.

Одно из двух: земля, иль самоцветы,
Зарытые в палатах небесных недр,
Ты прав,—предпочитая самоцветы
Из недр земных, размеренных на метр.

Как девочка в очках, уродлив
Звук пожилых условных слов.
Кто скажет, что твой рот уродлив,
Когда кричишь, идя на лов?

Бери меня с собою,
Ружье, вина хваток;
А я возьму с собою
Лес, хлеб, соль, ручеек!

Из получивших дар слагать слова и мысли
Кто быстро думает, тот пишет прозой длинной;
Медленнодум—всегда поэт.

1921

ИВАН НОВИКОВ

Мысль остра, одежды нежны.
Ласточка сквозь дымку облаков.
Пыль и луч. И мрежи—безнадежны
Между грубыми перстами рыбаков.

Круто хлеб земной рукой замешан.
Крест, вознесенный в землю. Божий дар
Площадными погремушками обвешан.
Молния, удар. Огонь, угар.

Но теплом в морозы дышет прорубь,
Но цветет туманом тихим полынья,
Но душа как голубь, белый голубь
Рассекает вольно грубость бытия.

1922

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

За могилу твою, что засыпана снегом сыпучим,
Что обвеяна ветром горючим
— Кто заплатит? Какую ценой?
За мои одинокие дни, за мои непробудные ночи,
За проклятый разбег этих букв, этих слов, этих строчек,
Под огромной холодной луной!

Кто вернет мне шаги в моей комнате узкой и белой!
Знаю,—некуда, не к кому—только бегу и бегу,
Как затравленный пес—волочу я постылое тело
Сквозь миры, сквозь века—и замучить его не могу!

И миры, и века отзываются вьюгой и воем...
Петербургское небо и дикая песня моя!
И на черной земле, на развете глухом ноября
Светит снежной звездой и последним ласкает покоем
Мое горькое счастье—простая могила твоя.

БОРИС ПАСТЕРНАК

Трепещет даль. Ей нет препон.
Еще оконницы крепятся.
Когда же сдернут с них кретон,
Зима заплещет без препятствий.

Зачертыхались сучья рош,
Трепещет даль и плещут шири.
Под всеми чертежами ночь
Подписывается в четыре.

Внизу толпится гольтсна,
Пыхтит ноябрь в седой попоне,
При первой пробе фортепьян
Все это я тебе напомню.

Едва распущенный Шопен
Опять не сдержит обещаний,
И кончит бешенством, взамен
Баллады самообладанья.

1923

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ
НОВЕЛЛА О ВСАДНИКЕ

Меж тем Руслан далеко мчится...
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей.

А. Пушкин

Ах ночь, в твои бока
Ни стремя не вонзил, ни шпор,
А ты стремила седока
Хриплоголового в опор.

Но ветров встречных не застав,
Попутным был он рад,
Перекосивши семь застав,
Свивая пыль в канат.

Ни хлеб, ни мяса, ни кулеш,
Ни даже молока.
Он в теле похудел, и плешь
Торопится у седока.

И жажда. Солнцем сожжена
Одежда, в ранах сам,
Но дома ждет его жена,
Ведь ей знаком бальзам.

Ах, ночь, в твои бока
Ни стремя не вонзил, ни шпор,
А ты стремила седока
В поля, в огонь, в опор.

1923

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ

Хотя бы нас сожгли и пепел был развеян
Из орудийных жерл в пространства черной тьмы,
Мы с жизнью договор наследственный имеем
И добровольно с ней не разойдемся мы.

Калеки—ползаем, безрукие—хватаем,
Слепые—слушаем, убитые—ведем...
Колеблется земля, и дом уже пылает—
Еще глоток воды!.. под каменным дождем.

И поцелуй еще! Уже стучат винтовки.
—Пора! Прощай—Прощай! И сына мне оставь,
Чтоб мог ты умереть, конец плотской веревки
Узлом бессмертья туго завязав!

СЕМЕН ПОЛОЦКИЙ

Сами мы кипятили воду,
Сами будем хлебать до дна.
О, усталость ненужного отдыха,
Ты у нас осталась одна.

Так и знай, не дрожали мы прежде
И теперь не дрожим умирать,
Только проще, спокойней, надежней
В сапогах завалиться в кровать.

Лейтесь песни над головою
Одичалой моей стороны!
Ах, не сами ли мы нашу волю
Прокатили на воронях.

Сами выбрали тихие мели,
Залетели в тесную клеть.
Не болит голова с похмелья,
Да и не с чего ей болеть.

Так и надо, что рубятся чащи,
Если строится ладный дом.
Первородное наше счастье—
Пропади оно пропадом!

Нам с тобой и дружитья не стоило,
Только что то теперь все равно:
Не горчит чечевичное пойло,
И не пенится больше вино.

1924

АЛЕКСАНДР ПОМОРСКИЙ

БОЛЬШЕВИК

Бури, громовыми глотками,
Ветер, тучи косматые рви!
У оврага в солдатских обмотках,—
Матрос растрелянный—большевик.
На груди загорелой—синий якорь,
Злобно сжата кисть руки...
Окровавленной мордой собаки
Растаскивают его на куски.
Эти руки ранили
Сердце белое—черный окоп:
От Кронштадта до Казани
От Кавказа на Перекоп.
Этой грудью могучей
Через море—зеленый клеш
Ты бросал охмелевшим тучам: даешь!
И не ты ли удаль матросскую
Бросил в церковь, где проклят бог,
И с винтовкою и папирскою
Обшагал раскосый Восток.

1919

АННА РАДЛОВА

ПОТОМКИ

И вот на смену нам разорванным и пыльным,
От горького вина, разлук и мятежей
Придете твердо вы, чужие нашим ранам,
С непонимающей улыбкою моей.
И будут на земле расти дубы и розы,
И укрошенными зверьми уснут бунты,
И весны будут цвести, и наступать морозы
Чредой спокойною спокойной простоты.
Неутолимая душа твоя потомок,
Осудит горькую торжественную быль.
И будет голос юн и шаг твой будет звонок,
И пальцы жесткие повергнут лиру в пыль,
Эпический покой расстелет над вселенной
Забвения верней, громадные крыла,
Эпический поэт о нашей доле пленной
Расскажет, что она была слепа и зла.
Но, может быть, один из этой стаи славной
Вдруг задрожит слегка, услышав слово кровь,
И вспомнит, что навек связал язык державный
С великой кровию великую любовь.

1920

ВЛАДИМИР РИЧИОТТИ

Полночная страна! величественным тостом
К тебе сегодня сердце приведу.
Сменила ты раскидистую поступь
На азиатскую послушную езду.
Любезный день так провожали ханы,
Хребта не взмылив у степных коней,
Ползет на дно смеющихся стаканов
Со лба задумчивой морщины змей.

Увенчаны поля зеленою короной
В стаканном отраженьи (жизнь моя!)
Мне машет роща крыльями зелеными,
Сбираясь улететь в горячие края.
Зальется скоро белоснежной пеной
Земли родной гостеприимный стол—
Вот потому и преклонил колено
Исполосованный поверстный столб.

В последний раз под факелом огромным,
С вином в руке и пламенем в груди,
Тебя, Россия—поздний твой любовник
До перепутья вышел проводить.

1923

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

У нас под снегом сфинксы, и закат,
Как знамя рваное, и шпиль огнистый,
И полукругом врезанный Сенат,
Где у костров стояли декабристы.

Прожектором взрывая черноту
Подъемных кранов, якорей и тросов,
У нас на Николаевском мосту
Катил Октябрь бушлатный вал матросов.

О, сколько труб—подъятых черных рук—
Мороз и музыка, и на параде
Войска, и в Академии Наук
Нетленные, лицейские тетради!

Не говори: пустые очи жмурия,
Здесь на скале Россия замерла—
Мы посылали ледяные бури
Звонить в московские колокола.

Кремлевский бред! Россия, как река,
Кипучий снег, шагнувший за плотины.
Прекрасный бред! Но есть у нас пока
Отстой глубин и голос лебединый.

Да, верфь, оставленная кораблем,
Петровский дом, незыблемый донине,
Мы были первыми и мы поем—
А город наш—как зарево на льдине.

1923

МАТВЕЙ РОЙЗМАН

ПЕСНЯ ПОРТНОГО

Согну привычно ноги
На тесаном катке,—
Моя игла не дрогнет
В приученной руке.

Тянись же, нитка, легче,
Тянись, как жизнь моя,—
Ой, скоро синий вечер
Погладит тополя.

Ой, скоро ступит шабес,
Как гость на мой чердак,
И я рукой шершавой
Разглажу лапсердак.

И в синагоге буду
Спокойней паука:
Ах, лапсердак паскудный
Не ровня сюртукам.

Ша-ша! жена глухая
Затеplit пару свеч,
А на столе нет халы
И не топилась печь.

О-ей, ей, усталый,
Больной молитв пришел:
Моим врагам бы стало,
Ой, также хорошо!

Ну, туже, туже нитка,
Скользи, моя игла:
Слеза раз'ела слишком
Зрачки отекших глаз.

Ведь скоро синий вечер
Уронит мертвый лист;
И жизнь моя, ты легче,
Как нитка, оборвись!

1923

ИВАН РУКАВИШНИКОВ

Ту, кого любишь, в нимб одиночества,
В нимб, прорезающий светом ночь,

Ту, кого любишь, в ризу алмазную,
В ризу рыданий бессонных глаз.

Ту, кого любишь, в грезу молящуюся.
Ту, кого любишь, в звездный плащ.

Ту, кого любишь, в поля бессмертия.
Да умрет под лучами любви смерть.

1923

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ

СЛУШАЙ

Шагай, мелькай за ротой рта,
Печатай тяжкий четкий шаг!
Там, у второго поворота,—
Отрава в дедовских ковшах...

А горечь древняя знакома,
«До боли ясен долгий путь»,
Так слушай голос военкома,
Чтобы с дороги не свернуть.

И пусть у каждого привала
Все неотвязней и нежней
Совет веселый, круглый малый:
—Добро пожаловать ко мне.

В мой светлый дом входите смело,
Я приготовил вам давно
Там молодое бабье тело,
Ночлег и крепкое вино...

Людская слабость всем знакома,
Магнитно тянет торный путь...
—Эй слушай голос военкома,
Чтобы с дороги не свернуть!

А если жгуч избыток силы
И ждать возлюбленной не в мочь,
То всенародно изнасилуй
Его изнеженную дочь!

Тогда поймет веселый малый,
Крепка-ль железная узда
И горячо-ль запылала
Пятиконечная звезда.

И конь истории не вскочит
Вдруг своенравно на дыбы,
Коль повод в руке рабочей
И знаки скрытницы судьбы.

И путь короче вдвое, втрое,
И тяжесть времени легка,—
Качай же сердце мировое,
Качай мозольная рука!

Всем крепость мускулов знакома,
Куда ж ведет далекий путь?
—Эй, слушай голос военкома,
Чтобы с дороги не свернуть!

Раскрыть заклые ворота,
На всех заклых рубежах,—
Смелей, смелей за ротой рота,
Печатай тверже четкий шаг!

ЭЛЛИЙ-КАРЛ СЕЛЬВИНСКИЙ

ВОР

Вышел на арапа. Канаает буржуй.

А по пузу золотой бамбер.

— «Мусью, сколько время?» Легко подхожу—
Дзззызь промеж роги!!—и амба.

Только хотел было снять часы—

Чья-то шмара кричит: «Шестал!»

Я, понятно, хода: за тюк, за весы!

А «крючков» то—чортова стая!

Подняли гандель: «Лови! Держи!»

Елки зеленые!! бегут напротив!!

А у меня, понимаешь ты—шанец жить,

Как петух недорезанный, сердце колотит.

Заскочил в тупик—ни в бок, ни черта...

Прижался в закрытый сарай я...

Вынул горячий от живота

Пятизарядный шпайер:

— «Ну-ну, умирать, так будем умирать—

В компании таки да веселее!»

Но толпа как поперла в стороны, вснять

И продырявила мне целую аллею.

И я себе прошел, как какой-нибудь ферть,

Скинул джонку и подмигнул глазом:

— Вам сегодня не везло, дорогая мадам Смерть—

Адью до следующего раза.

ГУРИЙ СИДОРОВ-ОКСКИЙ

Снега белые щеки.
Город застывший и нежный.
Целую любимые руки
Простой и безгрешный.

В ветках печальные галки.
Воздух и тихий и грустный.
Роняю слезы жаркие
На золотые косы.

Облако белыми венками—
Зажмуренное солнце.
Зацветет голубыми цветами
Высохшее сердце.

Реки, скинувшие платья;
Звезд ресницы зыбкие.
Расплывается первое счастье
Серебряными рыбками.

1919

ФЕДОР СОЛОГУБ

НОЧНЫЕ СТИХИ

Что томленье ночное?
Под золой уголек.
Дотлевают земнос,
Вечный день недалек,
Но в томленье ночное
Кто-то душу увлек.

В эти мрачные воды
Загляделась луна...
Ни любви, ни свободы,
Ни блаженного сна...
В эти мрачные воды
Погрузилась она.

Золотая трепещет
Сеть лучей на волне
И томительно блещет,
Улыбаясь луне.
Тихо сердце трепещет,
Замирает в огне.

Лунный свет заплетая
В золотистую сеть,
Надо, медленно тая,
Над пучиной висеть,
Словно эта слитая
Из сияния сеть.

СЕРГЕЙ СПАССКИЙ

Я никогда не понимал острее
Стеклянный блеск янтарных фонарей
Над мокрой лакированной панелью,
Когда в пространстве хмуром и сыром
Развернуто угрюмым ноябрем
Дождя мерцающее рукоделье.
Над головою облачная тьма.
И тягостные вздыбились дома,
Вжимаясь в ночь хребтами.
И, нередко,
Обдав белесым мертвенным лучом,
Вдруг прострекочет трепетно (о чем?)
Автомобиля быстрая каретка.
Да за углом ударится в гранит
Рассыпчатая оторопь копыт
И чей-то шаг по мраку шоркнет глуше.
И глохнет ночь. Как странно все. И кто?
Ужель я сам, закутанный в пальто,
Здесь осторожно огибаю лужи.
О, тесная исхоженная лявь.
Мир каменный. Но замолчи, оставь,
Душа, свой страх. Ведь я же знал заранее,
Что я умру. И вот моя пора—
Теперь брести, читая номера
Немых домов в прохладном смертном стане.

1923

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

НОЧЬЮ ДОЖДЬ

Работал дождь. Он стены сек,
Как сосны с пылу дровосек,
Сквозь меховую тишину,
Сквозь простоту уснувших рек
На город гнал весну.

Свисал и падал он точней,
Чем шаг под барабан,
Ворча ночью воркотней,
Светясь на стеклах, в желобах
Прохладных капель беготней.

Он вымыл крыши, как полы,
И в каждой свежест занозил,
Тут огляделся: мир дремал,
Был город сделан мастерски—
Утесы впаяны в дома.

Пространства поворот
Блестел безкрайнею дугой,
Земля как Ноя, как сначала,
Лежала спящей мастерской,
Турбиной, вдвинутой в молчанье.

ДИР ТУМАННЫЙ

СОНЕТ О СОВЕТСКОМ СЛУЖАЩЕМ

В углу чугушка, дышащая жаром,
На зеркале—мешки из под пайка.
Диван. Дрова. Кастрюли. С потолка
Свисает лампа бледно желтым шаром.

Нависли дни бесформенным кошмаром:
Хлеб вышел весь. Картофель есть пока.
В душе тоска—вязка и глубока
И тело—как разбитое ударом.

А утром боль, как бы от сотни ран,
В ногах озноб и в голове туман—
Остатки безнаркозного наркоза.

Но мозг сверлит упорнее «итти»!
И он приходит—ровно к десяти—
В одну из канцелярий Совнархоза.

1921

АЛЕКСАНДР ТУФАНОВ

ЗАУМЬ УШКУЙНАЯ

Эй, люди! концы веков
Потеплели в синевицах:
Закиньте коней на кол
С разумом возницей!...

По матерой скользят ушкун
Меж тальников Двины,
Славяне хмельные ликуют
В владеньях чудины.

Погосты хмарят, зоренеют,
Двигаются шесть веков,
И все роснее и бледнее
Мигинок частокол.

Слышишь, земля? Пулемет
Решетит все луны поэтов —
То повольников Марфа ведет
На Иванов разгульным летом...

Мигушки по векам никают,
Везде ушкуйник жив,
И в слили вербы куликают
С гуллилиной межи:

Сла сиинь соо сайлен саайсед
Суут сник соон росин сааблен

Ляадлюбсон лилилла слюб
Сооленсе сеервесее либ.

СУСАННА УКШЕ

От окна летят осколки
На озябшее крыльцо.
Буря носится по Волге...
Брызги плещутся в лицо.

Целый день гоняла мимо
По теченью груды льдин,
И в разгневанную зиму
В космах спутанных седин.

И с последней в караване
Глыбой в море уплыла,
Раздувая по лиману
Паруса веселых лайб.

Как в порту, пестро и шумно.
Налетел торговых рой,
А у берега Кутума
Пахнет свежую икрой.

Старики о ценах судят,
Речь размерную жуя;
Девий смех блестит повсюду,
Будто рыба чешуя.

И задевшее без спроса,
Как проезжая арба,
Слово меткое матроса
Крепче соли на губах.

НИНА ХАБИАС

1

Сердца твоего сизое крылышко
трепетной рукой до старости пронесу
разве мне ныне расстаться с тобою
когда тоненькая тень за голубым окном
тощий год о тебе вышивала крестики
кожу и камень растопила для встреч.

2

Оброчи ломоть покоя
с твоего голубого стола
станет легче бродить желтой
пить ручьи на земле
еще одну лампочку в белом снегу
пусть стоит на карауле
пока крылом не взмахну
далекий одной страшно
ночью бессоница и крыса
синий трол приходит
дремать и молиться
разве с черным спутаться
сердце положить на рога
покинув земную зеленую шкурку
цокнут четыре копыта.

1923

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

Копье татар чего не трогало—
Бессильно все на землю клонится;
Раздевши мирных женщин до гола,
Летит в Сибирь, Сибирью конница.

Курганный воин умирая,
Сжимал железный лик еврея,
Вокруг земля, свист суслика, нора и
Курганный день течет скорее.

Семья лисиц под'емлет стаю рожц,
Несется конь, похищенный цыганом,
Лежит суровый запорожец
Часы столетий над курганом.

1916

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

СТАНСЫ

Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.

Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья.

С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей,
За то слова: цветок, ребенок, зверь,—
Приходят на уста все чаще.

Рассеянно я слушаю порой
Поэтов звучные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое проростанье.

1918

НИКОЛАЙ ХОРИКОВ.

Сергею Есенину.

Я живу на полустанке, у леса,
Среди лохматых след.
Ночью филин провояет лешим,
Зеленеют свечи болотных огней.

На полустанке мой дядя служит,
Он хороший телеграфист,
На керосинке готовить ужин,
К нему приходит конторщик финн.

Вспоминает свою Финляндию,
Синеву хрустальных озер
И очень его удивляет,
Что мой дядя не видел гор.

По вечерам на высокой насыпи
Мы гуляем втроем,
Только женщины не бывает с нами.
Все трое мы женщину ждем.

Но быстры экспрессов ноги,
И уносят они от нас
По стальным полосам дороги
Много стыдливых девичьих глаз.

Но к нам не выйдет никто:
Остановки на полустанке нет.
Напрасно глядит конторщик,
Жду я напрасно двенадцать лет.

НИКОЛАЙ ЦЕРУКАВСКИЙ

Боги пегги, боги буки,
Деревянный сброд.
Боги неги вы в испуге
За побитый бутерброд.
Боги были, боги платин—
С золоченого ребра.
Из-под пыли, из-под платья
Звоны, визги серебра.
Боги боли.. боги плесни
В деревянных колпаках
Спели боги, спели песни.
Боги неб, не в гнев—в бега.
Лежебоки, буки, маги,
Одураченные пни.
На песке и на бумаге
Лики тлеющей ступни.
Злые куклы наши боги,
Каждый бог и зол и худ,
Злые боги, куклы в ноги—
Вашу мерзкую труху.
Были боги, боги-буки,
Деревянный сброд.
А теперь дрожат в испуге
За побитый бутерброд.

1924

АЛЕКСЕЙ ЧИЧЕРИН

ДЪВЕ КНСТРУЭМЫ

ВВОДНІА

Дылде

«Дылдооня да! л лад, а патом-бэ и пеур».

Дылда был тел, пыпател, пыпател, ды и падьдел
пуд дел.

Жил: гол гыладал, пил обыли пуль, бил: был.
Были у Дылды Нылды—йилдак в йилдак—так:
ели—пили—храп били.

Быдла была—пот так допыла, топыла—Пульхе-
рия Попыла.

КНЦЫВАЯ

Бос синь, как синька; бэ! сьсинька, сосм хьяк
кычырыгу ды нэ сары!нь..:

ката катырь—

Дрьбижьдьжяли фрфара:

Пырь, тырь, нштырь,

Туды-сюды кнфара;

Тиньтьль-виньтьль гылубок,

Сьешь мой вальнй сапок—

Вальнй ни пальнй,

Тьширьнй кавырьнй...

Ка пусыкы мая

Мелыкарубльная,

Атайдити, лбуда,

Я напу!дрьная.

1923

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

Юлии Дижур

От русских песен унаследовавши грусть и
Печаль, которой родина больна,—
Поэты звонкую монету страсти
Истратить в жизни не вольны.

И с богачельной скупостью старушек
Мы впроголодь содержим нашу жизнь,
Высчитывая, как последний грошик,
Потраченную радость иль болезнь.

Мы с завистью любимся кутилой-мотом,
Дни проживающим спеша,
И стискиваем нищенским бюджетом
Мы трату ежедневную души.

И все—от слез до букв любовных писем
С приходом сверивши своим—
Все остальное деловито вносим
Мы на текущий счет поэм.

И так от юности до смерти вплоть плешивой
На ундии мы мерим нашу быль,
А нам стихи оплачивают славою грошовой,
Как банк, процент за вложенную боль.

Все для того, чтобы наследник наш случайный,—
Читатель—вскликнул, взявши в руки песнь:
—Каким богатством обладал покойный
И голодом каким свою замучил жизнь!

1923

МАРИЯ ШКАПСКАЯ

1

Миллионы веков назначенных я томилась
в чужих телах, нагруженных земными задачами
и потом обращенных в прах.

Но кончая свой век коротенький, на закате
земного дня — сыновьям своим или дочери отда-
вали они меня.

Благодарными связана узами, но в себе этот
мир сберегу ль? От ладьи с драгоценным грузом
передам ли комунибудь руль?

2

Петербуржанке и северянке люб мне ветер
с гривой седой, тот, что узкое горло Фонтанки
заливает невской водой.

Знаю — будут любить мои дети невский
седобородый вал, оттого, что был западный ветер,
когда ты меня целовал.

ГРИГОРИЙ ШМЕРЕЛЬСОН

21 ЯНВАРЯ 1924

Волна тревоги, крови залп.
Летит слеза, как лезвие кинжала,

А РКП—в бессмертия вокзал
Дрожащие вагоны провожала.
И зарево по трупам шпал
Метнулося в безумьи флагом
И даже снег червонным золотом пылал,
Разбрызгав траурную брагу.

Легко-ль горячее волнение?—
Еще страна печальное поет.
Но с нами ты—шкафов стеклянных пленник!
И зноем слов растопит мыслей лед
Никем и никогда неповторимый Ленин.

НИКОЛАЙ ЭРДМАН

Пусть время бьет часы усердным
Сторожилом,
Они не заглушат неторопливый шаг
С добром награбленным шагающей поэмы.

Но знаю, и мои прохладные уста
Покроет пылью тягостная слава.
И шлем волос из вороненой стали
На шлем серебряный сменяет голова.
Но я под ним не пошатнусь, не вздрогну,
Приму, как должное, безрадостный подарок,
И в небеса морозную дорогу
Откроет радуга мне триумфальной аркой.

Дети, дети!
Учитесь у ночей полярному молчанью,
Собирайте зорь червонный урожай.
Ведь тридцать стрел у месяца в колчане,
И каждая, сорвавшись с тетивы,
Когонибудь смертельно поражает.

Никто не знает перечня судеб—
Грядущих дней непроходимы дебри.

И пусть весна за городской заставой
Опять поет веселой потаскухой,
Вся в синяках и ссадинах проталин
По рытвинам
И дорогам.
Я также сух

И строг.

И перед ней, как перед всяким гостем, привратником,
Блюдящим мой устав,
Ворота рта
Торжественно открыты.

Тяжелой головы пятиугольный ковш
Из жизни черпает безстрашие и холод.
Не даром дождь меж пыльных облаков
Хрустальные расставил частоколы.

Отшельником вхожу я в свой затвор
И выхожу бродягою на волю.
И что мне труд и хлеб, когда мне в губы пролит
Знакомый вкус любимых стихотворцев.

О, времени безцветная река,
Влеку меня порывистой иль тише,
Что хочешь делай, но не обрекай
Меня преступника на каторгу безстишья.

1921

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Так умирать, чтоб бил озноб огни,
Чтоб дымом пахли щеки, чтоб курьерский
«Ну, ты угомонись, уймись, нишкни!»
Прощанка мамкой ветренному сердцу.
Родства непомнящим—пойди, сыщи—
Под храп подрядчика, под тrefы, черви,
Грызя туннелем вязкие хрящи,
Громя мосты, летя, кружась как дервиш,
Все с ночью взапуски, от глаз, от бед,
Ог поцелуя будочника, мимо,
Чтоб вместо имени прощелканый билет
Еще луна облапленная дымом,
Чтоб—без тебя, чтоб вместо рук сжимать
Ремень окна, чтоб не было «останься»,
Чтоб били козырем,—так умирать,
Средь этих двух равно ненужных станций,
Чтоб сразу в астме стал ошеломлен,
В толпе носильщиков, в поту платформы,
Росою страшивая полусон,
И сердце чтобы замерло под тормаз.
Так умирать, понять, что гам и чай,
Буфетчик, вечный розан на котлете,
Что это смерть, что на твое «прощай»
Уж мне никак не суждено ответить.

1923

ВОЛЬФ ЭРЛИХ

Тот утешается любовным зельем,
Тот сгоряча подругу плетью бьет.

Нет ни вина,
Ни пламени
В дощатой келье.

Лишь под вечер поэзия придет
И, хриплую шарманку нажимая,
Нам пьяной лапой плечи обовьет.

Кого то дома ждет горячий ужин,
Нас—жесткая кровать
И новый день,
Да слабый друг сожмет порой потуже
(Крути Разлуку!)
Вкруг шеи стянутый ремень.

Кто кипяток любви прольет мне в руки?
Кто подойдет к поэту не хуля?

Друзья, не смерть,—плохое новоселье:
Ударит в крышу мерзлая земля
И снова—ни вина,
Ни пламени
В дощатой келье.

1924

ЧАРЛЬЗ ЭШЛИ

НОЧЬ ПЕРЕД ЗАКЛЮЧЕНИЕМ В ТЮРЬМУ

Один на улице. Тучи исчезли
Под стойкою луной.
Чуть внятный бриз от речки тянет:
Все, брошенное мной.

Тьма, скрой, что рот мой искривился,
Что мне прощанья не превозмочь;
Проспектов я, столиц любовник.
О, скрой, меня, милость-ночь!

Дай душу мне вдавить в асфальты,
Подняв от них глаза,
Чтоб ею был отмечен город
Моим и на года.

Это глубокая ночь, обрученья пред смертью
С улицами, любовью моей:
Сладкая, брачная едкость
Слез и строгого пыла страстей.

О, роящиеся, влюбленные улицы,
Город, жажда мой—
Дай унести в мою клетку
Хоть рану темного своего огня.

1921

Перевод И. Аксенова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иван Аксенов	3
Василий Александровский	5
Михаил Андреев	6
Николай Асеев	8
И. Афанасьев-Соловьев	9
Анна Ахматова	10
Андрей Белый	11
Николай Берендгоф	12
Сергей Бобров	13
Константин Большаков	14
Валерий Брюсов	16
Варвара Бутягина	17
Константин Вагинов	18
Галина Владычина	19
Николай Власов-Окский	20
Надежда Вольпин	21
Михаил Герасимов	22
Александр Гербстман	23
Владимир Гиляровский	24
Анри Гильбо	25
Иван Грузинов	26
Георгий Дешкин	28
Спиридон Дрожжин	29
Сергей Есенин	30
Николай Захаров-Мэнский	31
Вячеслав Иванов	32
Рюрик Ивнев	33
Вера Инбер	35
Василий Казин	37
Василий Каменский	39
Владимир Кириллов	40
Николай Клюев	42
Вячеслав Ковалевский	43
А. Крайский	44
Алексей Крученых	45
Наталья Кугушева	47
Мария Кудашева	48

Михаил Кузмин	49
Борис Лапин	51
Николай Ливкин	52
Константин Липскеров	53
Осип Мандельштам	54
Сусанна Мар	55
Анатолий Марпенгоф	56
Мальвина Марьянова	57
Тарас Мачтет	58
А. Машяров-Самобытник	59
Владимир Маяковский	60
Николай Минаев	61
Марлэ	62
Варвара Монина	63
Ида Наппельбаум	64
Фредерика Наппельбаум	65
Сергей Нельдихен	66
Иван Новиков	67
Надежда Павлович	68
Борис Пастернак	69
Яков Полонский	70
Елизавета Полонская	71
Семен Полоцкий	72
Александр Поморский	73
Анна Радлова	74
Владимир Ричиотти	75
Всеволод Рождественский	76
Матвей Ройзман	77
Иван Рукавишников	79
Илья Садофьев	80
Элий-Карл Сельвинский	82
Гурий Сидоров-Окский	83
Федор Сологуб	84
Сергей Спасский	85
Николай Тихонов	86
Дир Туманный	87
Александр Туфанов	88
Сусанна Укше	89
Нина Хабиас	90

Велемир Хлебников	91
Владислав Ходасевич	92
Николай Хоризов	93
Николай Церукавский	94
Алексей Чичерин	95
Вадим Шершеневич	96
Мария Шкапская	97
Григорий Шмерельсон	98
Николай Эрдман	99
Илья Эренбург	101
Вольф Эрлих	102
Чарльз Эшли	103